

Смерть... конец жизни. Он достиг бессмертия и думал, что у смерти больше нет над ним власти. Считал себя непобедимым. Старшая палочка вкупе с имеющимися крестражами только добавила веры в то, что он не умрет.

Он думал, что в его руках весь мир. Думал, что если уничтожит портреты всех директоров Хогвартса, то Альбус Дамблдор исчезнет навсегда. Как же Северус был этим потрясен, хоть и пытался скрыть, Волдеморт видел. Портреты хранили секреты. Но могли их и рассказать. И он думал, что портреты знали о планах Дамблдора куда больше, чем рассказывали.

В итоге, убив Северуса Снейпа, он стал владельцем Старшей палочки. И думал собрать оставшиеся Дары Смерти. Он был самым сильным волшебником из живущих и думал, что будет жить вечно. Вечно править Великобританией — магами и магглами.

Так почему?.. Почему он упустил самое важное? Как Альбус Дамблдор узнал о крестражах? Единственный, кто приходил на ум — Гораций Слагхорн. Профессора зельеварения стоило убить еще тогда, когда был шанс. Должно быть, Слагхорн рассказал его тайну. Знал же, что на шестом курсе Гарри тот вернулся в Хогвартс. Было ошибкой оставлять его в живых.

Но он и не думал, что Дамблдор найдет его крестражи. А Гарри доберется до тех, до которых не успел Альбус Дамблдор. Не думал, что уничтожат все...

И вот итог. Смертельное проклятие снова отразилось, и его душа снова лишилась тела. Волдеморт ненавидел тот миг, думая, что это конец. Впервые ему стало по-настоящему страшно. Он знал, что Нагини уже нет в живых. «Не осталось ни одного крестража?..» — мелькнуло в его голове, пока зеленый луч приближался.

Он видел жалость в глазах Гарри Поттера. И ненавидел ее всей душой. Гарри жалел его, а Волдеморт, ненавидя, желал одного — утащить его с собой. Совершенно забыв, что буквально только что Гарри заявил, что именно он настоящий владелец Старшей палочки.

Именно поэтому Смертельное проклятие отразил простой Экспеллиармус. И зеленая вспышка озарила его глаза. Смерть...

Ничто не держало его в этом мире. Это был конец? Застрять между жизнью и смертью на целую вечность... Он не хотел этого, боялся. И ненавидел собственный страх. Ненавидел Гарри Поттера, ненавидел Альбуса Дамблдора за то, что они сделали это с ним.

Его изломанная, расколотая душа покинула тело, и Волдеморт думал, что навсегда останется вот так. И каково же было его удивление, когда он почувствовал, что все еще привязан к миру. Пусть он призрак, просто черная тень.

Он думал, что все его крестражи уничтожены. И это было невероятно, невозможно. Он думал одно время создать еще один крестраж — после Нагини. Но душа была уже настолько расколотой, что он просто не смог. Он был уверен, что не осталось ничего, что удержало бы его в мире живых.

И все же он остался тут... Пытался понять, где же его последний крестраж, найти то, что удерживало его в этом мире.

И был совершенно потрясен осознав, что его последний — это Гарри Джеймс Поттер. Тот, кто его убил. Его живой крестраж. Стоило сосредоточиться на их связи, на шраме, и никаких сомнений не оставалось — он чувствовал свой крестраж.

Волдеморт злился, был в ярости. И долгие дни и ночи Гарри Поттер мучился. Он заставлял его страдать. Каждую ночь он заставлял мальчишку переживать самый страшный свой кошмар. То, чего тот больше всего боялся.

Пытки и смерть друзей. Смерть родителей. Медленно, кошмар за кошмаром, жизнь Гарри рушилась. Но этого было мало. Волдеморт знал, что если хочет вернуться, ему нужно, чтобы мальчишка был на его стороне. Нужно было убедиться, что Гарри Поттер никогда не будет с ним сражаться, не пойдет против него. Гарри был залогом его бессмертия.

В воспоминаниях мальчишки он нашел момент, когда тот им любовался. Гарри считал Тома Риддла красивым, и Волдеморт вытянул наружу все, даже запрятанные глубоко-глубоко воспоминания и чувства.

Чувства, в которых Гарри никому бы не смог признаться. Он был повержен Томом Риддлом. И в тот момент Волдеморт изменил свою тактику. Он использовал свое прошлое, чтобы соблазнить мальчишку. Чтобы Гарри стал зависим от него.

Поначалу Гарри был в ужасе от того, что сны изменились, тем более, что с его девушкой у него ничего не получалось. Волдеморт наслаждался его отчаянием, его печалью. Но как же сладко было чувствовать эмоции мальчишки, когда тот думал, что предает себя и свою девушку...

И как прекрасно было ощущать, что мальчишка поддается, сдается во власть снов. То, как сильно его жаждал Гарри, и неважно, был ли он в образе Тома Риддла или Волдеморта. Гарри хотел всего, что только он мог ему дать. И Волдеморт давал.

Он был прекрасен в своей надломленности. Его последний крестраж. Единственное, что удерживало его в мире живых. И даже то, что он не мог овладеть мальчишкой, было только на руку. Он вел его к безумию, чтобы в итоге мальчишка оказался в его власти. Гарри давал уверенность, что рано или поздно Волдеморт снова получит тело.

Гарри поможет ему, уж Волдеморт об этом позаботится. Мальчишка был его, и скоро эта маленькая рыжая дрянь будет мертва.

Он провел пальцами по шраму, заставляя Гарри во сне вздохнуть и улыбнуться. Ему снилось что-то приятное. И лежащая рядом с Гарри Джинни Уизли не могла помешать Волдеморту получить то, что он хотел.

Гарри проснулся с удовлетворенным стоном и тут же напрягся, почувствовав, что рядом лежит Джинни. Пробормотав «Эскуро!», он привел одежду в относительный порядок и тяжело вздохнул. С неохотой он поднялся и вышел из спальни. И замер, не веря собственным глазам: в гостиной — на диване — спал Рон, а Гермиона — сидя в кресле.

Он думал, что они ушли. По крайней мере, они точно прощались.

— Они не хотят оставлять тебя с Джинни наедине, — прошептал Том ему на ухо. — Не доверяют. Действительно считают тебя сумасшедшим.

Гарри едва не прыснул, но сдержался, лишь улыбнувшись. Он оглянулся через плечо.

— Ты о сумасшествии вроде больше меня знаешь, — прошептал Гарри, идя на кухню. Позади послышался тихий смешок.

На мгновение Гарри замер, задумчиво смотря на черную тень.

— Ты ведь именно этого и хочешь — чтобы я сошел с ума? — пробормотал он, уверенный, что их никто не услышит.

— А разве ты еще не понял? Не осознал, что реально, а что нет? — ответил вопросом на вопрос Том.

Том остановился рядом с ним. И несмотря на то, что Гарри видел только черный туман, он мог почувствовать чужое дыхание на губах.

— Ты реальный... — прошептал Гарри, где-то глубоко внутри себя искренне веря в это. Рука Тома крепко, но нежно сжала подбородок Гарри. — Но я не понимаю как. Мы ничего не нашли о седьмом крестраже... Но я чувствую, что ты настоящий...

Том фыркнул.

— Разумеется, не нашли! Седьмой я спрятал лучше всех. Никто и никогда его не найдет.

— Значит, это правда... — Гарри не знал, как реагировать на это признание. Он должен был испугаться. В конце концов, это было ужасно. Нужно было рассказать всем, нужно было найти последний крестраж. Но стоило почувствовать, как губы Тома прижимаются к его собственным и целуют, и он все забыл.

Никто не должен знать. Это был его «маленький грязный» секрет. Том толкнул его к стене, отчего у Гарри перехватило дыхание. Чужой язык скользнул в рот, и Гарри ответил со всей страстью на поцелуй. Он больше походил на яростную схватку, Гарри хотел запустить пальцы в волосы Тома, притянуть его ближе, но знал, что руки пройдут сквозь туман.

Поцелуй стал мягче.

— Я хочу тебя так же сильно, как ты меня, Гарри, — прошептал Том, оторвавшись от его губ. — Верь мне. Я никогда не причиню тебе вреда. Никому, кого ты любишь.

Гарри закусил губу и закрыл глаза.

— Это невозможно. Я не могу тебя вернуть.

— Почему? — тихо спросил Том. Его ладонь легла на щеку Гарри и вытерла выступившие слезы. Гарри судорожно вздохнул.

— Если они узнают... Если узнают!.. Какой идиот влюбится во врага?! — Гарри почти орал, но рука Тома зажала ему рот.

— Тш-ш-ш... Ты же не хочешь никого разбудить? — прошептал Том. Гарри вздрогнул, почувствовав прикосновение губ к шее. — Они и не должны узнать. И никогда не узнают. Ты можешь меня возродить. Я расскажу, как это сделать. Ты же знаешь, чего хочешь, Гарри? Так почему же игнорируешь собственные чувства и желания? — бормотал Том, лаская кожу на шее Гарри.

— Если ты вернешься, за тобой снова будут охотиться. — Голос Гарри был приглушен рукой Тома.

— Не будут. Мы покинем Великобританию. Только мы вдвоем. Я же уже говорил — никто не узнает. — Том убрал руку и нежно поцеловал Гарри. — Подумай об этом.

Гарри перестал ощущать рядом Тома — тот ушел. Чувствуя пустоту, он прошел в кухню, подошел к обеденному столу и плюхнулся на стул. Он смотрел на кухонные тумбы, но ничего перед собой не видел. Мысли его были совершенно в другом месте.

Все было по-настоящему... Том был настоящим. И чувство вины, испытываемое Гарри из-за его убийства, пусть и не исчезло, но стало значительно меньше. Остался еще один крестраж... Гарри тихо застонал и закрыл лицо руками. Его увлечение Томом Риддлом не приведет его ни к чему хорошему. И в этом был весь Том, знал, что Гарри никогда никому не расскажет. Использует чувства против него.

В глубине души Гарри знал, что именно это и происходило. Даже хуже. Потому что у Гарри не было ни единого желания прекратить все это. Они были одержимы друг другом, и одно это уже должно было напугать Гарри... И от того, что Том — Волдеморт — говорил в его снах, он должен был быть в ужасе.

Но Гарри больше не боялся. И мог это признать. Он одержим Томом Марволо Риддлом, он жаждал его даже зная, что все это неправильно.

Он убрал руки от лица и осмотрелся. Как часто Том говорил, что он все, что Гарри нужно? Гарри ненавидел это. Как же он хотел, чтобы это было ложью... Но нет, не было.

Через некоторое время дверь кухни открылась. Гарри поднял взгляд: вошла Гермиона. Она смотрела на него с тревогой и беспокойством. Гарри знал, что должен чувствовать тепло оттого, что друзья искренне за него беспокоятся.

Но вот только в последнее время они скорее раздражали своей заботой, никак не желая оставить его в покое. За исключением того времени, когда Джинни ушла.

Гермиона медленно и неуверенно приблизилась.

— Доброе утро, — прошептала она. Гарри ясно видел, что она чувствует неловкость, и подумал, что это из-за вчерашнего.

— Доброе, — пробормотал он. Гермиона со вздохом села рядом.

— Хорошо спалось? — тихо спросила она. Гарри просто кивнул в ответ. Он все равно не собирался рассказывать ей о своих снах. Только доктор Эндрю знал и никому не мог рассказать.

— Гарри, — начала Гермиона тоном, которым обычно читала им всем нотации. Гарри подавил стон и заставил себя слушать. — Ты же знаешь, что можешь мне все рассказать?

Этого Гарри не ожидал. Он посмотрел на нее с изрядной долей недоверия. Гермиона нахмурилась.

— Мы же друзья, Гарри. Я всегда считала, что друзья могут рассказывать друг другу все-все. — Она вздохнула, замолчав, и уставилась в стол. — Я даже представить не могу, что ты чувствуешь. Но хочу, чтобы ты знал — ты не один. И это никак не зависит от того, что я услышу.

Гарри уставился на нее, чувствуя секундное сомнение. Они дружили с самого первого курса... И что дальше? Если он возродит Тома и уедет, что они будут делать? Будут всеми силами пытаться найти?

Неужели он действительно может бросить их, ничего так и не рассказав? Плечо Гарри сжала холодная ладонь.

— Они не важны, Гарри, ты же знаешь, — прошептал Том ему на ухо. — Ни Рон, ни Гермиона, ни твоя Джинни не смогут дать тебе то, что ты хочешь. То, что тебе нужно.

Гарри невольно сжал кулаки, но Гермиона все еще смотрела на стол и этого просто не заметила. Как же он ненавидел, что Том прав. Что он всегда был прав.

Никто из них не мог дать ему почувствовать то, что он испытывал с Томом. Раньше, может быть, могли. Может быть год назад, до того, как жизнь стала разваливаться на части, они могли заставить его чувствовать себя живым. Но не сейчас.

Он медленно падал вниз и пал так глубоко, что никому уже и не вытащить. И неважно, как сильно будет его приободрять Рон. Или сколько раз Джинни признается в любви. Или что еще сделает Гермиона, хотя она даже к психологу его отправила. Ничто не сработает, ничего не получится. Он чувствовал себя живым только рядом с Томом — или Волдеморт.

По спине пробежали мурашки. Гермиона наконец-то посмотрела, едва не плача, на него. А он знал, что все равно не сможет сказать никому из них правды.

— Я знаю... знаю, что могу рассказать вам все, Гермиона, — он улыбнулся, надеясь, что она поймет. Уголки губ Гермионы дрогнули в слабом намеке на улыбку. И это было гораздо лучше, чем если бы она разревелась.

Шли дни, все стали готовиться к дню рождения Гарри. А сам он не хотел ничего, только чтобы его оставили, наконец, в покое.

За два дня до дня рождения, когда Гарри был в душе, появился Том и спросил, хочет он уйти до или же после праздника. Гарри замер, не до конца понимая, о чем его спрашивают.

В последнее время друзья считали, что он идет на поправку. Было даже слишком просто обманывать их всех. Гарри научился не реагировать на его присутствие, когда они не одни, но всегда видел, где Том.

Том давал ему прекрасные советы, что отвечать и как говорить. И ни разу никто из них, не почувствовал обмана. Они искренне считали, что он идет на поправку, только потому что Гарри так хотел.

Он знал, что придет день, и они вместе с Томом покинут Великобританию. И он оставит друзьям хотя бы письмо, в котором напишет, что с ним все в порядке и что не надо его искать. Но он даже не думал, что может пропустить день рождения.

— Но я не могу...

— Почему? Ты все равно не хочешь праздновать. Так зачем оставаться? — Том прижал руку к груди Гарри. Вдохнув, Гарри закрыл глаза и отступил под душ, сосредотачиваясь на струях воды.

— Но это же мой день рождения... Они столько сил потратили на подготовку. Я просто не могу все бросить и оставить их... — пробормотал Гарри. Том усмехнулся.

— Разумеется... Просто мне тоже хотелось сделать тебе подарок. — Гарри уставился на черный

туман. — Жаль, что я точно не смогу подарить тебе чего-нибудь похожего... — Ногти надавили на кожу и медленно двинулись по его груди. Гарри чуть-чуть выгнулся.

— Я ... — начал было Гарри, но Том резко приблизился и толкнул его в грудь. Спинай Гарри приложился о холодную плитку и глубоко вздохнул.

— Я бы смог прикоснуться к тебе... Поверь, это совсем не то же самое, что во сне или сейчас, — прошептал Том в его шею. — Ты бы стал полностью моим, — Гарри подавил стон.

— Да-а-а, — прошипел Гарри в ответ, даже не осознавая, что перешел на парселтанг, пока не услышал судорожный вздох Тома.

— Пойдем со мной ... — прошептал Том, сильнее вжавшись в шею Гарри. — Только ты и я. — Гарри все еще сомневался. И Том, казалось, это чувствовал, потому что обхватил его голову ладонями. — Забудь о них. Знаешь же, что они тебе не нужны. Ты не их хочешь. Ты хочешь меня, Гарри.

Гарри очень хотел видеть выражение лица Тома, но перед ним был лишь туман. В голосе Тома слышалось желание, такое же сильное, как и его собственное.

— Хорошо... — Гарри знал, что пути назад больше нет.

Где-то глубоко внутри он сознавал, что ни к чему хорошему это не приведет. Но также он знал, что ему нужен Том. И потому просто заставил себя забыть обо всем остальном. Только Том сейчас имел значение.

<http://bllate.org/book/12846/1132133>